

ПРИНЦИП ИЕРАРХИЧНОСТИ ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭТИМОЛОГИИ

Программа нынешнего международного симпозиума по этимологии резко отличается от предыдущего, имевшего место семнадцать лет тому назад. Здесь мы наблюдаем тесное переплетение этимологии с лексикологией, семасиологией и лексикографией. И это не случайно. Сегодня можно отмечать совершеннолетие новой научной дисциплины, «славянской лексикографии», инициатором которой является О. П. Трубачев. Наблюдается настоящая «этимологическая революция». Задачей славянской этимологии теперь стала реконструкция полного праславянского лексического фонда, его словообразования с установлением диалектных различий.

Если прежним героем этимологии был корень, то теперь — слово, целостная лексема. От реконструкции корней и гнездового способа подачи слов в этимологических словарях наука перешла к реконструкции слов и лексического фонда; от словаря — коллекций родственных слов к словарю — реконструкции праязыка.

Не без связи с этим «мануфактурный» способ производства этимологий исследователями-одиночками сменили «этимологические заводы», тесно сплоченные коллективы этимологов (Москва, Краков, Прага и др.), между которыми налажено сотрудничество и взаимодействие.

Кардинально изменилась и процедура этимологизирования: от анализа «сверху вниз» (поиски рефлексов данного праязыкового корня в родственных языках), теперь перешли к анализу «снизу вверх», т. е. от реально зафиксированных слов — к реконструкции. Именно это и выдвинуло на передний план семантику, семантическую реконструкцию. Пока героем этимологии был корень, серьезных разговоров о семантике и быть не могло. Для традиционной этимологии важнее уверенность, что подбирая однокоренные слова родственных языков, исследователь имеет дело с исторически одной и той же морфемой, важнее модификации материального тождества. Семантические модификации сознательно или бессознательно «выносятся за скобки».

Бесспорные успехи теории и практики этимологизирования, семантической реконструкции, поиски новых приемов решения этимологических задач несколько отодвинули на задний план интерес к истории материальной, формальной стороны. К шести условиям В. И. Абаева¹, следует добавить седьмое, правда, очень старое, но весьма доброе: «Больше внимания к закономерностям! К закономерностям формальных звуковых переходов!» А в предисловии к этимологическому словарю следовало бы дать таблицы регулярных соответствий, таблицы относительной хронологии звуковых изменений. Иначе можно забыть, что падения редуцированных не могло

быть до монофтонгизации дифтонгов. Иначе можно вернуться к донаучному состоянию этимологизирования, когда все могло переходить во все. Есть некоторая опасность этимологической анархии. «Приемы, открывающие новые просторы для этимологии путем ослабления требований к соблюдению семантических или фонетических закономерностей, позволяют создать много новых этимологических предложений, но степень их субъективности, — справедливо отмечает Е. Гавлова², — слишком высока».

Без внимания к формальной стороне, без постулата непреложности фонетических законов не было и нет научного этимологизирования. Когда-то компаративисты без колебаний связывали лат. *sapiens* и греч. *sofós* на основании сходства значения и звучания, но уже младogramматики отвергали такое сопоставление на том основании, что начальное *s — в греческом закономерно дает придыхание (*septem* — *'eptá*), *a~o*, *p~f* так же противоречат закономерным соответствиям.

Ни семантические связи, ни типологические параллели, ни фреквенталии, ни универсалии семантических переходов сами по себе не могут быть достаточными критериями надежности того или иного этимологического решения. Установленные наукой закономерности звуковых переходов нельзя «выносить» за скобки. Решение этимологических задач — это прежде всего решение задач формальных, реконструкция звуковой истории слова. Последняя чем-то напоминает решение орфографических задач при овладении навыками русского правописания. И там и здесь задача сводится к анализу вариаций и вариантов родственных морфем в родственных словах с целью выявления инварианта: [*eʔd*] *овбз* ~ [*elʔ*] *á* ~ [*em*] ~ [*ed*] *ный*. При этом снимается позиционная обусловленность и на основании регулярных соответствий (ударение для *б-л-ъ*; конец слова для *д-т*) восстанавливается своего рода архетип: [**eod*]. Здесь необходимо оставаться в пределах той же морфемы во всех ее вариациях, как бы не изменялась семантика и звуковая материя. Дальнейшие поиски инварианта морфем включают в сферу анализа морфемные варианты: [*лук*] ~ *лука* и *луга*, но *лу[к]* ~ *луга* ~ *лужок* ~ *лу[ш]ком* и *лу[к]* ~ *лука* ~ *лучок* ~ *лучком*. Здесь уже нет обусловленности позицией, (*г : ж*), (*к : ч*) встречаются в одной и той же позиции: *лужок* // *кружок* ~ *кругом*, *нога* ~ *ножка* ~ *ножек*. Если в первом случае имеют место варьирование аллофонов в соответствующих вариациях одной морфемы, то во второй — чередование фонем в соответствующих вариантах одной и той морфемы. Такое чередование алломорфов обусловлено морфологически, а чередование фонем морфологизировано и восходит к позиционному чередованию аллофонов в прошлом. Компаративист, последовательно снимая морфологическую и позиционно-фонетическую обусловленность, ищет диахронический инвариант данной морфемы, реконструирует архетип праязыкового состояния: **nog-a* ~ **nog-ьk-a* и т. п. И здесь главное заключается в том, чтобы оставаться в рамках исторически той же морфемы, анализировать ее исторические вариации и варианты или, как говорят, родственные морфемы, восходящие к одной пра-морфеме. При этом

в поле зрения исследователя могут и должны быть как родственные морфемы в рамках данного языка или диалекта (внутренняя реконструкция), так и в рамках родственных диалектов и языков (внешняя реконструкция).

При принципиальной равнозначности показаний родственных морфем того же языка и языков родственных, все же данные внутренней реконструкции иерархически ценнее внешней. В этом можно видеть одно из проявлений перенесения внимания этимологии с реконструкции внешней на реконструкцию внутреннюю (ср. процедуру реконструкции праславянского лексического фонда в коллективе О. Н. Трубачева). Удельный вес «внутренних данных» возрастает в этимологических словарях. В болгарском этимологическом словаре (В. И. Георгиев и др.) перед традиционными параллелями из славянских языков дается более или менее полное словообразовательное гнездо.

Постулат исторической тождественности в материальном и семантическом планах является единственным критерием в процедуре подведения разнообразных морфем того же и (или) родственных языков под категорию родственных. Морфемы считаются родственными, если и только если между ними наблюдается регулярное материальное соответствие в виде т. н. фонетических законов, при определенной семантической схожести.

В результате выявления материальной вариативности родственных морфем компаративистика получила строго установленные фонетические законы. Постулат непреложности фонетических законов стал фундаментом сравнительно-исторической фонетики, компаративистики и этимологии.

Выявление семантической вариативности родственных слов пока не дало результатов, сколь-нибудь равноцепных фонетическим законам. Уберите постулат непреложности фонетических законов и любая самоочевидная этимология повиснет в воздухе.

Сущность фонетического закона можно выразить формально:

$$L \left\{ \frac{a > b}{P} \right\} T$$

Звук (а) регулярно переходит в другой звук (b) в строго определенных позициях (P) в данном языке (L) на данном этапе его развития (T). Непреложность фонетических законов заключается в том, что соответствующим изменениям подвергаются все слова данного языка у всего коллектива говорящих на данном языке или диалекте. «Фонетический закон не может иметь действительных исключений, — учил Ф. Ф. Фортунатов³, — и кажущиеся исключения представляют собой или действие другого фонетического закона, или нефонетическое изменение слов, или заимствование из другого языка или другого наречия того же языка». Иными словами, «должно существовать правило для неправильности, нужно его только открыть»⁴: «исключения» свидетельствуют об изменении параметров P, T, L.

Фонетические законы — достаточно надежный аппарат для разграничения своего и чужого. Так, сопоставляя пары *угры* || *венгры*, *узел* || *вензель* в русском языке, можно сделать безошибочный вывод, что первые оформились на восточнославянской почве, а вторые заимствованы из польского после утраты носовых гласных ($a > u$, $e > 'a$) и протетических согласных перед вторичным и третичным (u_2).

Если отступление от предсказуемой закономерности наблюдается в исконных словах и морфемах, то следовательно, изменился параметр P, а не L. Так, наличие случаев типа рус. *цена*, *цедить* и *кидать*, *кий* может свидетельствовать, что в эпоху действия первой палатализации на месте современных гласных переднего ряда стояло нечто другое, а в данном случае имеет место вторичный, либо даже третичный гласный переднего ряда (V_2, V_3). В первом случае, действительно, имеет место вторичный гласный переднего ряда ($\check{e}_2 < ai$), полученный на общеславянской почве из дифтонга (*ai) в закрытом слоге. Т. е. в эпоху действия первой палатализации здесь еще не было гласного переднего ряда, а перед заместителями дифтонга ($ai > \check{e}_2, i_2$) вторичными гласными переднего ряда заднеязычный давал не шипящий, а свистящий рефлекс.

Во втором случае (рус. *кий*) имеет место третичный (i_3) гласный, появившийся на месте прежнего (y) в позиции после заднеязычных. В истории русского языка этот процесс прослеживается по памятникам письменности как переход сочетаний *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*. Перед третичным (i_3) заднеязычный не палатализуется, а лишь смягчается, предопределяя мягкую пару заднеязычных в мягкостной корреляции русского языка.

Такой подход позволяет устанавливать относительную хронологию отдельных процессов и явлений: первичные гласные переднего ряда старше вторичных, вторичные — старше третичных и т. п., первая палатализация у славян старше второй, смягчение заднеязычных (k', g', x') в русском языке моложе палатализационных процессов и т. п. Первая палатализация ($k > \check{c}$) не могла осуществляться после перехода ($\bar{e} > \bar{a}$), (*krikēti > *kričēti* > *križati*), вторая палатализация могла осуществиться лишь после монофтонгизации дифтонгов (*kaina → *kě₂nā* > *cěna*).

Все это позволяет надежно устанавливать исходную праформу того или иного слова. Так, сопоставляя рус. *смех* — *смешно*, можно установить последовательную цепочку фонетических процессов и реконструировать архетип. Шипящий (š) мог возникнуть из (x) перед гласным переднего ряда. Таковым мог быть выпавший редуцированный (*t). Следовательно, падение редуцированных моложе первой палатализации. Заднеязычный (x) мог возникнуть из исконного (*s₁) в позиции после (i, u, r, k). Следовательно, гласный (e) в данном случае — из ($\check{e}_2$) дифтонгического происхождения. Реконструируется цепочка: *смешно* < *smě₂šno* < *smāixina* < *smāisina* (ср. др.-рус. *смѣшнѣно*)⁵.

Таким образом, фонетические законы могут служить надежным аппаратом при решении этимологических задач. Определенная совокупность надежных этимологий и является эмпирической базой фо-

нетического закона. Любые этимологические решения, противоречащие известным фонетическим законам, останутся за рамками науки. То, что было допустимо полтора столетия тому назад, не может быть допустимо сегодня. К сожалению, такого рода этимологические опыты встречаются даже в славистике. Так, в одном из докладов, представленных на международный съезд славистов, предлагалась этимология рус. *муж* и *ящер*: *муж* < *mąžь* < *mąšь* < **monъšь* < **manušь*, *ящер* < *jašcerъ* < **azytorъ*, как древнейшие пранские протокновения VI—V вв. до н. э.⁶ Конечный согласный *-š* должен был отпасть по закону открытых слогов. Шипящий мог быть воспринят славянами лишь после первой палатализации. Нет закона перехода глухого в звонкий в интервокальном положении. Дифтонгическое сочетание (*on*) могло монофтонгизироваться лишь в закрытом слоге (**ronka* > *ryka* > *рука*) перед согласным, задолго до перехода *ǃ* > *ч* (не позже V в. н. э.). В данном случае закрытый слог мог образоваться лишь после падения редуцированных, что происходило уже на «глазах истории», самостоятельно в отдельных славянских языках. К тому времени у восточных славян уже прошел процесс деназализации (*a* > *u*). Здесь зачеркнуты все фонетические законы, открытые усилиями отечественных и зарубежных славистов от Востока до наших дней.

С точки зрения современного состояния нашей науки, фонетический закон есть закон синхронного функционирования аллофонного варьирования фонем в потоке речи, т. е. в зависимости от определенных фонетических (позиционных) условий. Это — позиционное варьирование фонем. Известно, что такого рода варьирование фонем осуществляется действительно механически, автоматически и непредложно предсказывается позицией и, как правило, не замечается носителями данного языка. Ср., например, варьирование *ê* // *e* в современном русском языке (*это* ~ *эти*). Для того, чтобы такое варьирование стало замеченным и осознанным, должны быть нарушены параметры фонетического закона: позиция варьирования должна стать позицией различения прежних аллофонов. Вот почему фонетические законы, оставившие следы в истории языка, не могут оставаться без исключений, будучи принципиально безысключительными в эпоху своего функционирования. В самом деле, переход *s* > *x* или *k* > *č* в определенных позициях — лишь первый этап звуковых изменений: *s* // *x* или *k* // *č* останутся позиционными вариациями одной и той же фонемы, пока не наступит второй этап, этап фонологизации прежних аллофонов.

Сущность второго, фонологического этапа звуковых изменений и заключается в превращении прежних позиционных вариаций в самостоятельные фонемы путем выхода из состояния дополнительного распределения, продиктованного прежним фонетическим законом функционирования. Фонетический закон отменяется новым законом и дальнейшим конвергентно-дивергентным процессом.

Так, праславянская дивергенция *k* → *k-* : *-č*, начатая как фонетический процесс, породивший позиционные аллофоны *k* // *č*, становится фонологической в результате нового фонетического закона

$\frac{\delta > \bar{a}}{\delta}$, отменившего старший закон. Появилась позиция прежних аллофонов $\frac{k : \delta}{a}$, они стали самостоятельными фонемами.

Дивергенция *k* → *k-* : *-č* оказалась тесно связанной с конвергенцией $\bar{a} \times \bar{e} \rightarrow a$, ср. рус. *крика* — *кричать* (< *kričati* < **krikēti*). В истории восточнославянских языков дальнейший процесс фонологизации новой оппозиции (*k* : *č*) связан с конвергенцией $\check{c}_1 \times tj \rightarrow \check{c}$, ср. рус. *свет* — *свеча*.

Третий этап звуковых изменений — морфофонологизация. Если первый тип изменений не зависит от слов и форм, а лишь от фонетических позиций, а второй освобождает прежние аллофоны от позиционной зависимости, то третий усиливает влияние на функционирование фонемы от слов и форм, что и подводилось младограмматиками под действие аналогии. Аналогии могут подвергаться лишь самостоятельные фонемы, а не аллофоны, не позиционные вариации. Это — продолжение процесса фонологизации, а потому и необходимого увеличения числа исключений из прежнего фонетического закона. Морфофонологизация *-x-* как форманта местн. множ. (*женахъ*, *селахъ*) стала возможна лишь после появления фонетическим путем таких форм как *костяхъ*, *рабѣхъ*, *лнмхъ*, как продолжение фонологизации новой оппозиции (*s* : *x*), ср. рус. *о нас*, *о селах*.

Следует различать еще один тип (этап) звуковых изменений, социализацию, языковые инновации могут быть приняты, либо отвергнуты языковым коллективом. Это он отбирает из нескольких вариантов возможного произношения того или иного слова наиболее подходящий, наиболее престижный. Атлас Жильерона показал, что каждое слово имеет свою географию и историю. У. Лабов убедительно доказал, что звуковые изменения идут из более престижной языковой группы в менее престижную от слова к слову. . . Это — социализация, здесь действуют законы социолингвистики.

Для каждого типа звуковых изменений должен быть свой ключ. Ключ фонетических законов существует для первого типа звуковых изменений и не может открывать все двери. Фактический материал лингвистической географии и социолингвистики не может опровергать постулат непреложности фонетических законов. Процесс отвердения прежнего мягкого [*r'*] в позиции перед заднеязычным в современном русском языке не является фонетическим законом, он идет от слова к слову, от одной социальной группы к другой, ср. *церковь*, но *церковник*, *зеркало*, но реже, устар. *зерькало*. Выбор мягкого или твердого варианта отдельного слова стал возможным благодаря принципиальной допустимости сочетаний [*рк* ~ *р'к*] ср.: *горка* ~ *горько*. Это — сильная позиция для [фонологической оппозиции] (*r'* : *r*).¹

Сложность и противоречивость результатов 3-й палатализации объясняется тем, что здесь имеет место морфофонологизация, морфофонологическое закрепление предшествующего фонетического и фонологического (фонологизация аллофонов *č* // *k* // *c*) процесса.

Иерархический характер звуковых изменений диктует строго определенную последовательность решения отдельных вопросов этимологической задачи. Требуется соблюдения соответствующей иерархии приемов этимологизации.

Менее надежно то этимологическое решение, которое предпочитает отнести то или иное слово к заимствованиям, не исчерпав все ресурсы внутреннего объяснения (*гусь, корова, молоко*), либо ищет действие фонетического закона там, где «звуковой переход» тесно связан со строго определенными грамматическими категориями (формант *-x-* во флексиях, чередование *k // c* в суффиксах и т. д.). Едва ли разумно подводить под фонетический процесс явления «народной этимологии», основанные на тех или иных смысловых (семантических) ассоциациях, ср. реконструкцию «для *lupъ* еще праславянской протезы в праслав. *glupъ*»⁷. Протетические **-i-* // *-и-* закономерно возникли перед исконными дизяными и бемольными гласными. Мена протезов (перед гласными!) — способ прекращения этого закона и результат действия других законов (*ė > ā, ā × ð → ā* и др.)⁸.

Развитие, история языка и отдельного слова — не произвол слепого случая, не результат «играющего в кости Бога», а проявление строгих закономерностей. Наука, если она хочет быть наукой, должна их вскрывать и бережно сохранять уже открытые.

Примечания

- ¹ *Абаев В. И.* Как можно улучшить этимологические словари. — В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. М., 1984, 3.
- ² *Гавлова Б. К.* Методам этимологических исследований. — Там же, 6.
- ³ *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. М., 1956, т. I, 194—196.
- ⁴ *Hertmann.* Über das Rekonstruieren. — KZ, 41, 1907, 11.
- ⁵ *Журавлев В. К.* Относительная хронология праславянских процессов по данным внешней и внутренней реконструкции. — В кн.: Славянское языкознание. IX международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983.
- ⁶ *Мартынов В. В.* Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов. Минск, 1983, 35.
- ⁷ *Мартынов В. В.* Славянские протезы и этимологическая эвристика. В кн.: Международный симпозиум. . ., 25.
- ⁸ *Журавлев В. К.* Генезис протезов в славянских языках. — ВЯ, 1965, № 4

Вяч. Вс. Иванов

О СООТНОШЕНИИ ЭТИМОЛОГИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТА

Надежность этимологии в существенной степени зависит от длины исторически отождествляемых последовательностей. В случае, если отождествляются в родственных языках только корневые морфемы, вероятность этимологии относительно мала (в особенности при наличии неоднозначных фонетических соответствий, допускающих вы-

бор из многих возможностей) и уменьшается с длиной корневой морфемы (уже поэтому вызывают сомнения попытки глубинной реконструкции однофонемных корней в таких языках, как праиндоевропейский, ср. детальное обсуждение этой проблемы в материалах несостоявшегося V Международного конгресса лингвистов¹, хотя одновременно с этими материалами и вскоре после них появились чрезвычайно смелые и бездоказательные попытки выделить аффиксы в пределах реконструируемых корней²). При большей длине корня (как в ностратических реконструкциях В. М. Иллич-Свитыча и северо-кавказских С. А. Старостина) надежность сопоставлений возрастает (в особенности при наличии уникальных звуковых соответствий, позволяющих отождествить фонемы при достаточном большом их наборе). Но наиболее достоверными (как в классической индоевропейистике после младограмматиков) следует считать соответствия, простирающиеся на целое слово. В этом состоит особая ценность реконструкций целых словоформ, последовательно проводимая в новейших этимологических словарях праславянского (а ранее — в индоарийском словаре Тернера и некоторых других аналогичных изданиях). Для индоевропейского соответствующие материалы накоплены в отдельных словарных статьях словарей и этимологических работах, но не суммированы систематически. Особый интерес представляло бы составление собраний словоформ для каждой группы диалектов: в этом духе можно было бы истолковать уже балто-славянский словарь Траутмана и исследование общей балто-славяно-германской лексики Стангом.

Современные успехи в области восстановления целых фрагментов мифопоэтических текстов (в особенности для индо-ирано-греческого) в соединении с семантическими исследованиями древних текстов (в свою очередь соприкасающихся с лингвистикой текста) позволяют говорить о возможности создания для отдельных групп диалектов и таких словарей, где систематически отождествляются сочетания из двух и более словоформ, что делает этимологию каждой из них бесспорной и вместе с тем представляет существенный шаг вперед в изучении семантики и реалий. Сходная задача для общиндоевропейского облегчается тем, что во многих случаях древние сочетания слов позднее превращаются в одно слово — сложное или содержащее элемент, позднее грамматикализованный, но ранее бывший самостоятельным словом (как превербы). Задача восстановления целых общиндоевропейских сочетаний может быть поставлена в отношении определенных функциональных жанров мифопоэтических и ритуальных текстов: юридических, сакральных и т. п. Ограничимся выборочными примерами.

По-видимому, сохранившиеся в каждой отдельной древней индоевропейской традиции архаические тексты дают достаточное основание для восстановления не только распределенной по диалектам лексики, обозначающей колесо и колесницу (чему в последние годы посвящено несколько специальных работ), но и целых словосочетаний, относящихся к коневодству, состязаниям в езде на колесницах и другим особенностям подготовки к длительным конным походам